

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ РАЗВИТИЯ

Игорь Багирян

Какие бы мощные рычаги ни находились у мировой финансовой элиты, сгенерировать кризис было бы невозможно без работающей на него исходной концептуальной установки, которая заключается в представлении об экономике как ведущей, в решающей степени самодостаточной подсистеме общественных отношений. Сегодня ни одна страна в мире психологически не готова системно перейти к новым экономическим отношениям – синергетической экономике. Налицо противоречие между объективной необходимостью и психологической готовностью, рассматриваемое автором в контексте Основного противоречия развития.

1. Современное научное представление Основного противоречия. Развитие в контексте эволюционной теории и синергетики

1.1 Синергетика о развитии

Историческое прошлое однозначно свидетельствует о том, что этапу радикальных, качественных изменений обязательно предшествует рост Хаоса.

Эта причинно-следственная связь: рост Хаоса – развитие, носит универсальный, сквозной характер от личности до общества в целом, и эта связь получила свое отображение в древнейших мифах, от Индии до шумеров.

Во второй половине XX века теоретическое осмысление указанной причинно-следственной связи стало одним из основных объектов метанауки – синергетики. Последняя ввела понятие точки бифуркации (на латинском разветвление) и аттракторов (от английского *attract* – притягивать). Первое понятие уточняет количественный аспект роста Хаоса перед этапом качественного перехода. Второе представляет развитие как возможность перехода к одному из вариантов (моделей) будущего, расположенных не линейно, один за другим, а в одной плоскости. В этом принципиальное отличие точки бифуркации: она позволяет осуществить резкий, дискретный рывок далеко вперед.

Это обстоятельство обусловило огромный практический интерес к использованию феномена Хаоса в управлении общественным развитием и предопределило материальное и организационное стимулирование теоретических исследований. Сказанное относится прежде всего к США, взявшим на себя глобальные имперские функции и, надо сказать, добившейся значительных прак-

тических результатов. Все последние «фруктово-овощные» революции являются примером технологии управляемого Хаоса. Другим примером выступают последние валютно-финансовые кризисы, включая нынешний.

Однако здесь начинает работать другой весьма важный феномен: все высокие технологии от ядерной физики, генной инженерии, психотропных воздействий до управляемого Хаоса, обязательно содержат неуправляемый, непрогнозируемый элемент, обуславливающий «эффект джина», выпускаемого из бутылки. Другими словами, незримо присутствует еще один субъект – подлинный хозяин Хаоса, цели которого неясны. В итоге процесс развития далеко не всегда носит рациональный характер. Здесь возникает аналогия с невидимой рукой А.Смита, но с существенным отличием: в случае А.Смита невидимая рука статистически усредняет и выводит на равновесную ситуацию, здесь же она, наоборот, взрывает стабильность и создает неожиданную ситуацию. Что же выступает первичным объектом технологии управляемого Хаоса?

1.2 Эволюционная теория и неoinституционализм о развитии

С позиции эволюционной теории, это общественные институты и психология человека. Понятие института является важнейшим как в эволюционной, так и в институциональной теориях.

Общество, с одной стороны, можно рассматривать как взаимосвязанный набор функций, на которые имеется спрос. А с другой – общество состоит из индивидов, психические особенности которых определяют восприятие и реакцию на внешние события.

Институт представляет собой мост, один конец которого связан с общественными функциями, а другой – с психологическими особенностями, определяющими спрос на них. Сам институт проявляется через шаблоны, стереотипы поведения. Согласно Дугласу Норту, институт – это добровольно принятые кодексы поведения, ограничивающие индивидов. Дж.Ходжсон, современный лидер неoinституционализма, автор «Манифеста современной экономической теории», считает что важнейшая основа института – привычка, рутинное поведение.

Институциональная структура снижает информационную неопределенность при принятии решений в повседневной жизни. Можно сказать, что институты автоматизируют, рутинизируют процесс принятия решений, делают его бессознательным, иррациональным. «Социальные институты формируют человека, и ему их существование кажется объективным, природным», – отмечает российский эксперт-социолог Алексей Тупицын.

Каждую организацию можно рассматривать как набор накопленных микроинститутов-рутин. Об этом довольно точно выразился институционалист Бенджамин Клейн: «Работники приходят и уходят, но организация сохраняет память и знания».

Именно эффект формирования институтов-рутин обуславливает устойчивость организации в пространстве и времени. Однако у феномена институтов или рутин есть серьезный недостаток, создающий проблему в процессе развития. Этот недостаток получил название институциональной (рутинной) ловушки – ситуация, когда институт или рутина продолжают сохраняться, будучи несвязанными с какой-либо полезной функцией.

В любой организации, в любой современной системе большая часть элементов технологии функционирования выполняются рутинно, механически. Уровень профессионализма в организации рассматривается как уровень выполнения рутинных модулей. Развитие организации – это замена одних рутин на другие.

«Самое вредное – это вовсе не невежество (незнание), а знание чертовой уймы вещей, которые на самом деле неверны», – утверждал американский институционалист Ф.Найт.

Поэтому долговременная выживаемость организации зависит от периодической рефлексии – анализа рутинных механизмов, начиная с целей организации.

Отсюда следует весьма важный практический вывод: при управлении социальными системами и обществом в целом в системах управления должна быть структура, задачей которой является анализ рутинных механизмов организаций или, другими словами, анализ элементов технологии функционирования организации и разработки новой технологии – новых рутин. Условное название такой организации – управление институциональным развитием.

В этом контексте неравновесная ситуация начинается тогда, когда изменение «рутины» достигает некоторой критической точки. Если это «рутина», связанная с технологическими процессами, то соответствующая инновация, за счет которой произойдет изменение «рутины», будет трансформационной, а если «рутина», связанная с организационно-управленческими методами, – институциональной.

Таким образом, равновесное состояние – это некоторое условное состояние, в котором совокупность «рутин» существенно не изменяется.

Согласно некоторым исследователям, создание инноваций есть внутренне присущий человеку институт. Поэтому динамика общества будет зависеть от того, насколько гармонично вписан этот институт в общую систему общественных институтов. Следовательно, эффективность общественной системы определяется структурой институтов. Именно структура институтов в решающей степени определяет темпы валового внутреннего продукта, влияя на эффективность и величину инвестиций.

Анализ эффективности общественной системы как совокупности институтов выступает главной задачей эволюционной экономики. Для ее решения необходимо было выдвинуть критерий эффективности.

В качестве такого критерия эволюционная экономика рассматривает тран-

сакционные затраты (*ТС*). К ним относятся затраты субъектов на информацию и защиту прав собственности. Причем к последним относится также защита от всех форм криминальных посягательств.

ТС выступают в качестве измерителя «трения» в частях общественной машины. Чем меньше *ТС*, тем лучше функционирует общественная система. В частности, феномен денег объясняется и необходимостью снижения *ТС*. Такое устойчивое явление в общественной жизни, как мафия, объясняется необходимостью снижения трансакционных затрат на защиту прав собственности в современных условиях. «Теневая» экономика имеет более высокий уровень *ТС*, но выживает за счет неуплаты налогов.

Затраты, связанные с непосредственной производственной деятельностью по созданию товаров, называются трансформационными (*ТП*). Соответственно, вся сфера народного хозяйства делится на два сектора: трансформационный (производство товаров плюс транспорт и связь) и трансакционный (страхование, правовая система, охрана, маркетинг, консалтинг и т.д.).

По существующей идеологии, мейнстрим, затраты на *ТС* включаются в валовой внутренний продукт (ВВП), т.е. $ВВП = ТС + \text{добавленная стоимость трансформационного сектора}$ (материальные затраты в *ТС* стремятся к нулю).

По оценкам ведущих западных экспертов, доля *ТС* в ВВП непрерывно растет, причем особенно стремительно – за последнее время. По оценке Дугласа Норта, эта доля в США выросла с 25% ВВП в 1870г. до 50% ВВП в 1970г.

Указанная тенденция вызывает все большую озабоченность ведущих экономистов. В этом контексте не случаен рецидив интереса к марксистскому подходу, согласно которому экономика делилась на производственную и непроизводственную сферы. При этом продукция непроизводственной сферы не должна учитываться в ВВП. Именно по такой схеме работала экономическая статистика СССР, и в этом было ее принципиальное отличие от системы национальных счетов.

Непроизводственная сфера выступает верхней границей *ТС*, точного перечня которых пока еще нет. Принципиально важно отметить жесткое заключение лидеров эволюционной экономики о том, что без адекватного нравственного поля, убедительного для хозяйствующих субъектов *ТС* будут неограниченно расти.

Интересно, что этот вывод четко коррелирует с заключениями Фукуямы. Он говорил о том, что в современную эпоху фактор доверия становится ведущим, так как именно уровень доверия в обществе (субъектов друг к другу, субъектов к государству) определяет уровень *ТС*.

Падение уровня доверия напрямую увеличивает второе слагаемое *ТС* (защиту прав собственности) и опосредованно первое (информацию). Дело в том, что продавец и покупатель изначально находятся в несимметричной позиции: продавец знает о товаре максимум, а покупателя все больше интересуют качественные стороны товара, которых он не знает. По мере роста товаров с различны-

ми качествами, при условии незаинтересованности продавца в передаче действительной информации, эти затраты тоже стремительно растут.

Значимость фактора доверия выражается, в частности, в том, что многие нефинансовые активы – такие, как «бренд», отражающий доверие к торговой марке, – оцениваются выше, чем материальные активы. В аспекте институциональной структуры это означает, что ведущими институтами становятся институты, ответственные за этическое развитие общества.

Технология управляемого Хаоса опирается на тот факт, что в менталитете любой нации существует глубинный фундаментальный слой, определяющий востребованность базисных общественных функций и выполняющих их базисных институтов.

В синергетике существует понятие базовой институциональной матрицы, формализующей глубинные психологические основы нации. Эта технология начинается с задействования цепочки: психологическая воздействие – создание атмосферы ненужности базисных функций и базисных институтов – замена базисных институтов искусственными конструкциями, не имеющими корней в национальной почве. В результате наступает потеря ориентации индивида в пространстве жизни – Хаос.

В то же время необходимо отметить, что игра с навязыванием институтов ведется достаточно честно. Имеется в виду, что во вполне доступной теоретической литературе по эволюционной и институциональной теориям отчетливо фиксируется тот факт, что простое заимствование институтов приводит их к нецелевому использованию (*bad fit*). Институт вырождается в чужой среде. Приводятся также распространенные формы вырождения чужеродных институтов:

- соблюдение правил по форме, а по содержанию – удовлетворение частных интересов,
- захват института в интересах какой-либо властной группы,
- манипуляция законом (пример – налоговое законодательство).

Так что основная ответственность в развивающихся странах все-таки лежит на экономистах первой волны независимости, освоивших азы *экономикса* и ничего не слышавших о других экономических теориях. Этот фактор и сегодня продолжает работать на усиление Хаоса.

1.3 Основное противоречие развития

Из состояния Хаоса любая социальная система имеет два выхода. Первый выход – положительный, когда система выходит на более высокий уровень осознания своих базисных институтов и снижает общий уровень бессознательного при принятии решений. В этом случае Хаосу можно быть только благодарным.

И отрицательный, когда система гибнет и растворяется в других системах. В факте наличия двух вариантов выхода из Хаоса проявляется **основное противоречие развития**.

Суть его в том, что любая социальная система, начиная с отдельного человека, находящаяся в более или менее приемлемом для нее режиме функционирования, стремится его сохранить, с прогнозируемым улучшением отдельных параметров. Это находится в прямом противоречии с процессом развития, в котором переходу в новое качество предшествует этап Хаоса, то есть резкое изменение существующего стабильного положения. Средний гражданин (обыватель) все еще хочет жить в стационарном, упорядоченном обществе. Наступление синергетического этапа пугает его, оживляя атавистический страх Хаоса. В результате в обществе наблюдается устойчивый эффект, который Э.Тоффлер назвал «футурошоком» – массовый страх перед будущим. От того, как конкретная организация или человек воспринимает этап Хаоса, и зависит вариант выхода из него.

Чем меньше воспринимается в организации или обществе условность существующих институтов или рутин, тем меньше их инновационный, творческий потенциал.

Сегодня ни одна страна в мире психологически не готова системно перейти к новым экономическим отношениям – синергетической экономике. Таким образом, налицо противоречие между объективной необходимостью и психологической готовностью.

В результате современная инновационная экономика пошла по пути навязывания потребительских инноваций, что привело к резкому рассогласованию спроса и предложения практически во всех сферах. В подтягивание спроса до предложения была втянута финансовая система. Этот фактор послужил весомой причиной текущего глобального кризиса.

Не случайно формула выхода из кризиса имеет следующий вид:

- структурная перестройка реального сектора в направлении действительных, объективных потребностей общества.
- максимальный учет финансовой системой, проблем и задач реального сектора.

Отношение к Хаосу определяет потенциал развития организации, выраженный в людях, имеющих соответствующую психологию, и их положения в организации.

К сожалению, в развивающихся странах подавляющая часть социальных систем и населения имеет низкий потенциал развития.

В развитых странах по крайней мере достаточно интенсивно говорится о необходимости смены всей парадигмы управления: переходу к осознанному использованию технологии управляемого Хаоса.

2. Историко-психологические истоки текущего глобального кризиса Марксизм и экономикс (мейнстрим) – взаимодополняющие стороны одной медали

В мировой экспертной среде и общественном мнении доминирует версия о рукотворном характере всех последних валютно-финансовых кризисов, в том числе текущего. Безусловно, такой взгляд имеет весомые основания.

Но какие бы мощные рычаги ни находились у мировой финансовой элиты, сгенерировать кризис было бы невозможно без работающей на него исходной концептуальной установки. Этой исходной концептуальной установкой является представление об экономике как ведущей, в решающей степени самодостаточной подсистеме общественных отношений.

Значительную, если не решающую роль в распространении этой концепции стало учение К.Маркса об экономике как об определяющем базисе общественных отношений. И надо отдать ему должное, сделано это было достаточно фундаментально и талантливо.

Вряд ли найдется еще одна такая же работа, когда на основе последовательного применения одного метода, диалектики, создается стройная картина структуры общественных отношений и ее динамики. Не случайно поэтому во всех престижных экономических вузах учение К.Маркса занимает достойное место, а в Рокфеллер-центре (США) его портрет помещен на видном месте. Один из крупнейших западных экономистов как-то откровенно высказался о том, что на взгляды всех значимых экономистов так или иначе повлияло учение К.Маркса. С этой ролью К.Маркса все однозначно и ясно.

Неясно другое: почему в качестве альтернативы К.Марксу был выдвинут мейнстримовский экономикс, утверждающий то же самое – примат экономики, но на уровне психологии отдельного субъекта.

Причем надо отметить, что основной вклад экономикс в форме исследования поведенческих функций человека, который при этом рассматривается как роботизированное существо с целевым критерием максимума прибыли или минимума издержек, на порядок ниже.

Таким образом, и марксизм на уровне объективных законов (извне) и экономикс на уровне субъективной психологии (изнутри) указывали на один и тот же вывод о первичности экономики, то есть выступили двумя сторонами одной и той же медали.

Профессор Колендер (США) четко формулирует три основных базисных положения мейнстримовского экономикса: рационализм, эгоизм, равновесие. Субъект, руководствующийся этими принципами, получил название *homo economicus*.

С точки зрения лестницы потребностей известного социопсихолога А.Маслоу, *homo economicus* относится к ее нижним ступенькам. Укрупненно эту лест-

ницу можно разбить на две части. Нижние ступеньки относятся к человеко-животным (то есть к животным с интеллектом (безопасность, еда и одежда, секс, признание (уважение) в своей социальной группе, общественное признание, желание нравится) – привязанности и ограничения эго человека), и только верхние – к человеку духовному, собственно человеку (что такое Я, какое отношение оно имеет к Богу, в чем состоит миссия жизни?). Именно для удовлетворения потребностей эго и нужны деньги и власть. А.Маслоу отметил, что индивиды верхних ступеней при ухудшении материальных условий не опускаются вниз.

Таким образом, экономикс автоматически исключает наиболее существенную часть человечества, определяющую вектор его развития.

Подлинной альтернативой марксизму был, конечно, не экономикс а немецкая историческая школа, рассматривающая экономику как одну из областей выражения творческого духа и незаслуженно закрытая после Второй мировой войны.

С таким подходом созвучна позиция Шумпетера, рассматривающего общественное развитие как форму самовыражения героя-предпринимателя, называемого новатором.

В результате марксизм и экономикс создали мощную идеологическую основу для тотальной экономизации общества. Искусственно превращенная в самодовлеющую силу экономика начинает становится все более виртуальной: вначале опережающими темпами растет финансовый сектор, на втором этапе еще более опережающими темпами растет фондовый рынок (рынок ценных бумаг), наконец на третьем этапе внутри фондового рынка набирает размах наиболее виртуальная часть – производные финансовые активы (деривативы), которые внутри себя производят все более виртуальные активы. Наконец вся эта громоздкая опрокинутая основанием вверх пирамида с грохотом обваливается, и наступает кризис.

Мировая финансовая элита, которой приписывается авторство кризиса, теперь имеет все логические основания для обсуждения на высочайшем уровне необходимости постановки под единый контроль национальных финансов и введения единой мировой валюты.

Этот процесс довольно жестко направляется, но здесь, как это часто бывает в жизни, возможны всякие неожиданности. Речь идет, например, о возможном сближении Китая и Японии. Сегодня часть экспертов усматривает тенденции этого процесса. В случае его реализации возникнет новый сверхмощный полюс силы со своей идеологией, финансами, военно-промышленным комплексом, который, естественно, втянет в свою орбиту Юго-Восточную Азию. А с учетом наличия многочисленной, влиятельной, дисциплинированной китайской диаспоры роль этого полюса может стать критически высокой.

3.Классическая макроэкономика как выражение Основного противоречия. Глобализационные стратегические процессы и финансы

Термин «макроэкономика» ввел в обращение Дж.Кейнс, тем самым разграничив два типа воздействия на экономику: адресный, когда планируются и создаются определенные типы предприятий, – промышленная политика (японский термин); и макроэкономика, когда изменяются общие для всех параметры экономики. Эти общие параметры разделяются на две группы: налогово-бюджетные и денежно-кредитные. За первые отвечает правительство, за вторые – Центральный банк.

Перед макроэкономикой в классической ее форме ставится жесткая задача – обеспечить для бизнеса стабильную прогнозируемую среду. Такая постановка предполагает, что все предприниматели чувствуют себя комфортно именно в такой среде. Это априорное допущение оправдывало себя в прошлом, когда равновесные ситуации длились довольно долго.

Современный этап – этап синергетический, с высоким уровнем неопределенности, Хаоса.

Из сказанного следуют два вывода. Первый относится к предпринимателям: на современном этапе будут выживать те из них, кто больше приспособлен к меняющейся среде. Шумпетер, деливший предпринимателей на два типа, новаторов и консерваторов, отмечал, что к изменяющейся среде более приспособлены первые. Классическая макроэкономика ориентирована на второй тип – консерваторов.

В аспекте денежно-кредитной политики это связано с концепцией инфляционного таргетирования, когда Центральный банк дает прогнозные кривые инфляции и отвечает за их реализации.

Но на современном этапе обеспечение стабильности цен становится проблематичным даже на уровне государства, в том числе мощного. А для Центрального банка эта задача становится неподъемной. Об этом писал еще до кризиса известный экономист Кеннет Рогофф в статье «Миф о Центральном банке».

Второй вывод состоит во все большем осознании, что классическая постановка задачи макроэкономики вполне реальна только на уровне общего мирового управления.

Идущие в современном мире политико-экономические процессы однозначно свидетельствуют о росте тенденции к интеграции. Наиболее значимыми факторами, обуславливающими этот процесс являются экологические, социогуманитарные, экономические.

Что касается финансов, то нарастает понимание того, что огромный пестрый набор «банановых» валют вызывает неоправданный рост транзакционных затрат в процессе мировой торговли.

В то же время использование какой-либо национальной валюты в качестве мировой, как это произошло с долларом, дает возможность национальному государству с помощью печатного станка обложить остальной мир своеобразным налогом.

Таким образом, с одной стороны, есть понимание необходимости единой мировой валюты, а с другой – что она не должна быть национальной.

Настоящий этап можно назвать промежуточным: идет интенсивное формирование отдельных региональных блоков со своими валютами. В этом смысле Россия играет весомую роль, так как может войти как в Азиатский, так и в Европейский блоки.

Телевизионная трансляция подписания дипломатического протокола между Арменией и Турцией показала участие зарубежных дипломатических представителей самого высокого ранга. Это значит, что разблокирование коммуникаций с Турцией имеет для сильных мира сего стратегический характер.

Весьма вероятно, что есть проекты формирования нового экономического региона, в котором Турции отведена определенная роль. Хотелось бы, чтобы аналитические центры Армении попытались набросать возможные варианты структуры нового региона, место и роль Армении в нем.

Ноябрь, 2009г

THE MAIN CONTRADICTIONS OF DEVELOPMENT

Igor Baghiryan

Resume

There is a tough task before the macroeconomics in its classical form, i.e. to prove the stable and predictable environment for business. But at the current stage supporting stability is rather problematic even on a level of states, including the big ones, which conditions the development of globalization processes.

The unblocking of the communications with Turkey is of strategic importance for “the high and mighty”. It is highly probable that there are projects of the new economic region formation where a certain role is allotted to Turkey. It is advisable that the analytical centers of Armenia try to draw an outline of all the possible variants of the new region structure and the place and role of Armenia there.